

Светлана
Успенская

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ ДЕТЕКТИВЫ
СВЕТЛАНЫ УСПЕНСКОЙ

МОРЕ СМЕРТИ, БЕРЕГ ЛЮБВИ

ДВУМ СМЕРТЯМ НЕ БЫВАТЬ

ГОЛАЯ ПРАВДА

Светлана
Успенская

Голая
правда

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У77

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

*Серия «Криминальный дар.
Детективы Светланы Успенской»*

Оформление — Екатерина Фerez

Успенская, С.В.

У77 Голая правда : [роман] / Светлана Владимировна
Успенская. — Москва : Издательство АСТ, 2026. —
384 с. — (Криминальный дар. Детективы Светланы
Успенской).

ISBN 978-5-17-181286-7

У ног актрисы Евгении Шиловой лежал весь мир. Мужчины
сходили по ней с ума, роли сыпались одна за другой. Но очень не-
просто быть красивой женщиной и великой актрисой. Ну, почти
великой...

Чтобы расставить все точки над «i», Евгения решила поведать
в мемуарах о своей особенной судьбе. Рассказать о головокружи-
тельных романах, заклятых подругах, об интригах и предатель-
стве, о тайнах театральных кулис. Она объявила всем, что напи-
шет только голую правду!

Теперь, после ее гибели, тяжело установить, кому ее правда
могла помешать — лучшей подруге, бывшим мужьям, любовни-
ку, директору театра? Может, смерть актрисы — это просто траги-
ческая случайность, и голая правда тут совсем ни при чем?

Ведь правда не может быть лишней. Или может?

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-181286-7

© С.В. Успенская, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ ИЮНЯ

День быстро разгорался, полуденное горячее солнце обдавало жаром из-за гребней тёмных домов; в мареве выхлопных газов становилось тяжело дышать — сказывался удушливый микроклимат московского центра. Тени деревьев были коротки и не спасали от пекла, которое дрожащими волнами поднималось от нагретого асфальта. Жалюзи магазинов опустились, внутри завывали кондиционеры, гоняющие прохладный воздух.

Мария Фёдоровна, приходящая домработница актрисы Евгении Шиловской, уже подходила к дому, волоча за собой тяжёлую сумку на колёсиках, нещадно повизгивающую на выбоинах тротуара, когда ее внимание, истомлённое ежедневным однообразием, привлёк странный долговязый мужчина в синем спортивном костюме, перебежавший улицу перед плотным строем машин.

Этот нелепый человек, размахивая неимоверно длинными руками, бросился наперерез дымящему черными выхлопами КамАЗу, выворачивавшему из-за угла на большой скорости. Раздался визг тормозов, гудки, кто-то охнул, засвистел милиционер на перекрёстке. Грузовик резко дёрнулся и застыл многотонной машиной над распостёртым телом.

«Что там такое?» — заинтересовалась Мария Фёдоровна и, скрипя тележкой, тяжело переваливаясь с ноги

на ногу, заспешила к месту дорожно-транспортного происшествия. Прохожие, оглядываясь, замедлили свой бег, из подворотни вынырнула стайка полуголых загорелых пацанов. С криком: «Айда, позырим! Там человека задавили!» — они рванули поглазеть на бесплатное представление.

Чёрный строгий «сааб» застыл слева от КамАЗа, на его капоте виднелась глубокая вмятина, по лобовому стеклу пробежали тонкие змейки трещин. Бледный водитель стоял около машины. Пассажир «сааба» — вальяжный мордатый дядька — наклонился над пострадавшим. Гаишник колдовал над бедолагой в синем спортивном костюме, широко разбросавшим длинные руки на асфальте.

— Жив ли? — вслух заволновалась Мария Фёдоровна и приподнялась на цыпочки: высокий кузов грузовика заслонял ей картину.

— Что же «скорая» не едет? — возмущалась крупная женщина в соломенной шляпе, похожей на шляпку гриба. — Он что, умер?

Толпа зевак всё увеличивалась. К окнам домов приникли любопытные лица, бледнеющие за стёклами, как размытые пятна.

— Я видел собственными глазами, он из этого двора выскочил и ка-а-к кинется!.. — объяснял собравшимся зевакам словоохотливый старичок апоплексического вида, с палочкой наперевес. Он указал на двор, куда направлялась Мария Фёдоровна.

Тут Мария Фёдоровна не выдержала.

— Я здесь живу, в этом доме, — активно вступила она в обсуждение. — Не из наших ли жильцов кто? Может, этот мужчина с усами?

— Нет, парень. Совсем молодой, без усов.

— Я видела, он как бросится... — делилась впечатлениями дама в соломенной шляпе с поникшей марлевой розочкой. — А я как вскрикнула!

Между тем на широкой улице мгновенно образовалась ревушая автомобильными гудками пробка. Мили-

ционер отошёл от неподвижного тела и теперь руководил движением. Вдалеке раздался вой сирены — это спешила «скорая». Прижавшись к КамАЗу, она резко затормозила, и из салона вышли медики в униформе.

— Не спешат, однако, наши эскулапы, — саркастически заметил словоохотливый старичок. — Семнадцать минут. Я засекал по часам. — Он поднял руку и продемонстрировал часы на потёртом ремешке. — В двенадцать четырнадцать это произошло, могу засвидетельствовать...

Автомобильная пробка дымила сизой гарью, зеваки стояли плотной стеной. Медики закончили хлопотать вокруг распостёртого на горячем асфальте мужчины. Пострадавшего погрузили на носилки и затолкали в салон «скорой».

— Живой ли? — волновалась Мария Фёдоровна.

— Жив! Жив! — эхом пронеслось по толпе, плотно облепившей тротуар и край мостовой.

Завывая сиреной и мигая синим проблесковым маячком, «скорая» умчалась. Толпа постепенно стала рассасываться. Вскоре на улице не осталось любопытных. Словоохотливый старичок застучал палочкой в направлении прохладного сквера, где его давно поджидали истомившиеся партнёры по партии в домино.

Взволнованная случившимся событием, Мария Фёдоровна горестно вздохнула и, обливаясь липким потом, засемила к своему дому, волоча за собой многострадальную тележку. «Кто же этот бедолага? — Этот вопрос сильно занимал Марию Фёдоровну. — Не из нашего ли дома? Эх, не смогла я разглядеть его», — сожалела она, сжигаемая неудовлетворенным любопытством.

Тяжело ступая, она подрулила к детской площадке, где стояли яркие качели, на которых качалась детвора, и, вытерев со лба крупные прозрачные капли пота, рухнула на скамейку, с блаженством вытянув налившиеся свинцовой тяжестью ноги в стоптанных доперестроечных ботинках фасона «прощай, молодость». На скамей-

ке, в тени раскидистых кустов сирени, ее поджидали Эвелина Ивановна из пятнадцатой, даже в жару кутающаяся в плотный пуховый платок, и Клавдия Порфирьевна из пятьдесят второй — эти старушки составляли костяк дворового самосознания.

— Я сейчас видела, как человека задавили, — поторопилась сообщить запыхавшаяся Мария Фёдоровна, довольная возможностью обсудить последние новости со своими приятельницами.

— А мы слышали, сирена выла. Я еще Порфирьевне говорю: не то случилось что?.. — подняла седые выщипанные бровки Эвелина Ивановна. — Надо же, сбили! Конечно, носятся как черти угорелые. А кого сбили-то?

— Да вот, тоже... Я вроде его видела, говорят — из нашего двора выбежал. Парень такой высокий, мосластый, в синем спортивном костюме... Я вот думаю, у нас вроде таких нет.

— В синем, спортивном? — Ниточки седых бровей полезли еще выше. — Порфирьевна, не тот ли это...

— Да-да, из вашего подъезда он и выходил, я его хорошо разглядела, — подхватила Порфирьевна. — Мы с Эвелиной почту из ящика доставали, когда он мимо прошмыгнул. Не из наших жильцов он. Может, чей-то гость?

Дворовые активистки, взволнованные своей непосредственной причастностью к событиям, задумались. Еще минут десять, отдыхая от марш-броска по магазинам, Мария Фёдоровна обсуждала личность неустановленного парня, а затем, кряхтя, тяжело поднялась и вздохнула с сожалением:

— Пойду я. Обед готовить пора. Как там моя мадама, встала ли, не знаю...

И, волоча за собой осточертевшую тележку, она вошла в гулкий полумрак подъезда и стала, кряхтя и тяжело вздыхая, подниматься по высоким ступеням старинной прохладной лестницы. Лифт, как всегда, не работал. Достигнув четвёртого этажа, Мария Фёдоровна облегчённо выдохнула — самая тяжёлая часть дня заканчива-

лась. Она пошарила в кармане сумки, нащупала массивную связку ключей и, выудив ее, подошла к двери. При первом же лёгком прикосновении тяжёлая дверь поддавалась и с тревожным скрипом приоткрылась — она оказалась незаперта.

Мария Фёдоровна побледнела. Сердце предательски заныло, ужас на несколько секунд лишил ее возможности действовать — неужели она забыла закрыть дверь? Конечно, Евгения Викторовна должна быть дома, но если по своей привычке поздно вставать она еще спит, то кто угодно может пробраться в квартиру. Мало ли лихих людей... На слабеющих ногах, с замиранием сердца от дурных предчувствий, Мария Фёдоровна осторожно вошла в прихожую, на всякий случай не захлопнув дверь.

Послышался шорох. Домработница вздрогнула и чуть не заорала от ужаса. Из ванной, лениво потягиваясь и щуря жёлтые щёлочки наглых глаз, вышел дымчато-серый кот Бакс. Он стал обнюхивать сумку на колёсиках, чуя волнующую близость парной телятины.

— Ух, напугал, котяра паршивый, — с облегчением махнула на него рукой Мария Фёдоровна, опускаясь на стул и стягивая ботинки.

Слава богу, кажется, ничего плохого не произошло, всё на своих местах. Она просто забыла, уходя, запереть дверь. Склероз проклятый! Наверное, Евгения Викторовна ничего не заметила... Она, скорее всего, еще спит.

Поставив ботинки на специальную полочку, домработница мимоходом погладила кота и двинулась босиком по паркету к двери спальни. Она прислушалась. В спальне было тихо, только на кухне капала из неплотно прикрытого крана вода.

— Спит, — довольно заметила Мария Фёдоровна и легонько толкнула дверь — пора будить хозяйку. — Женечка, уже час дня, — осторожно пропела она, заглядывая в полутёмную комнату. Шторы были плотно задёрнуты.

В ответ она не услышала ни сонного «Уйди, я спать хочу!», ни вздохов просыпающегося человека.

— Женечка, — ласково проворковала домработница и, осторожно ступая, подошла к окну, чтобы раздвинуть шторы. — Вы просили разбудить пораньше, я приготовлю вам ванну...

Яркое полуденное солнце, затенённое подрагивающей от ветерка листвой старых высоких тополей, залило уютную спальню. Мария Фёдоровна обернулась, на ее синеватых старческих губах возникла приторная улыбка. Но в ту же секунду улыбка сползла с ее лица, как растаявший грим, она выпучила глаза и всплеснула руками — на пушистом ковре около широкой кровати в пене чёрных скомканных простыней лежала хозяйка дома в прозрачной розовой сорочке.

Чёрная змейка запёкшейся крови застыла, сбегая от виска по мертвенно-белой щеке к уголку полуоткрытого рта. Застывшие глаза неподвижно смотрели в пол, обнажённые ноги белели на тёмном ковре, рука утонула в длинном ворсе, а светлые волосы, сбившись в спутанный ком, сливались с причудливым восточным узором.

— Ев... гения Викторовна... — прошелестела Мария Фёдоровна.

Она схватилась за шею, потом за сердце, обмякшие ноги отказались ей повиноваться, в голове помутилось, и хозяйка, лежавшая на ковре, стала в ее глазах двоиться, тройиться, расплываться, пока не исчезла совсем в чёрной бездне беспамятства.

В спальню, важно шествуя, вошёл любопытный дымчатый кот. Но домработница его уже не увидела.

ГЛАВА ВТОРАЯ ЖАРКИЙ ДЕНЬ

Бригаду медиков и оперативно-следственную группу, очень быстро прибывших на место происшествия, вызвала массажистка Шиловской. Она явилась около

двух часов, чтобы провести очередной сеанс противоцеллюлитного массажа.

Обнаружив дверь квартиры открытой и миновав ко-та, благополучно распотрошившего сумку со снедью, она наткнулась в спальне на два женских тела. Массажистка, будучи девушкой хладнокровной и решительной, не растерялась, вызвала «скорую» и милицию, до приезда которых просидела на кухне, нервно кусая губы и поглядывая на наручные часики — визит к следующей клиентке откладывался, и непредвиденная задержка, кажется, волновала ее больше всего. Московский бомонд не любит неаккуратности, даже если она вызвана чрезвычайными обстоятельствами.

Первой приехала «скорая». Едва тронув запястье актрисы, врач с видом равнодушной обречённости махнул рукой и занялся домработницей, лежавшей на ковре рядышком со своей хозяйкой. Мария Фёдоровна была жива, хотя и смотрела бессмысленно в потолок, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Констатировав обширный инсульт, ее на носилках отнесли в машину и отправили в больницу. Зрелище «убиенной» приятельницы и ее белое лицо с закатившимися глазами вызвали шок у околподъездных старушек, не далее чем час назад наблюдавших Фёдоровну живой и здоровой.

Прибыли сотрудники милиции. Массажистку отпустили, расспросив и запротоколировав ее показания. Потом начался осмотр квартиры. В понятия, естественно, попали Эвелина Ивановна из пятнадцатой и Клавдия Порфирьевна из пятьдесят второй.

То и дело охая и поминая имя божие всуе, они припоминали многочисленные подробности сегодняшнего дня, неожиданно богатого происшествиями. Старушек выслушали, не вникая в их путаные речи, и оперативная группа приступила к осмотру квартиры.

В воздухе носился запах химических реактивов. Он казался резче и приторнее в квартире, добела раскалённой солнцем. Пол был посыпан черным порошком, над

ним колдовал эксперт-криминалист, и понятых гоняли из угла в угол, чтобы они не затапывали следы. Шаравшиеся из стороны в сторону пожилые леди под конец нашли приют в уголке, откуда тихо таращились бесцветными слезящимися глазами.

Старший следователь райотдела милиции майор Буркин, белобрысый мужчина лет тридцати пяти, тщательно разделяя слова и подчёркивая паузой запятые, диктовал протокол осмотра квартиры молодому человеку в гражданском, который, примостившись на краешке роскошной кровати, старательно записывал слова майора. Папка лежала у него на коленях.

— Тело обнаружено на полу головой к окну, ногами к дверям, между трюмо и кроватью...

Щуплый младший лейтенант Шушарин, то и дело утирая со лба испарину, фотографировал спальню. Фотоаппарат щёлкал, ослепляя глаза режущими голубоватыми вспышками.

В комнате суетился еще один сотрудник — сгорбленный, в очках — эксперт-криминалист Харченко. Обмахивая кисточкой с порошком все мало-мальски пригодные для исследования поверхности, он приближал к ним нос, близоруко всматривался, щуря глаза, потом аккуратно наклеивал полоску клейкой ленты и снимал ее уже с серыми разводами. Совершалась ежедневная монотонная работа, за которой не могла наблюдать мёртвая женщина, всё еще пристально смотревшая в вечность застывшими глазами из-под неплотно сомкнутых век с длинными ресницами. Мужчинам, давно уже привыкшим к грязным и неприятным моментам в своей работе, было немного не по себе — в комнате как будто витал чей-то дух, безмолвно надзирающий за вторжением в свою обитель чужих людей.

У Буркина пересохло в горле. Он остановился, прокашлялся и с удовольствием закурил. Когда его монотонный голос замолк, все почувствовали облегчение от наступившей тишины. В молчании стали слышны город-

ские звуки — урчание машин, лай запертой собаки, досужие пересуды у подъезда.

— Ну и жара сегодня, — ища поддержки у коллег, пробормотал Харченко.

— Да-а, хорошо, что еще труп свежий, а не недельной давности, не то мы бы тут задохнулись, — поддержал разговор младший лейтенант Шушарин.

На самом деле ему было очень жутко, он первый раз участвовал в выезде на место происшествия, к тому же на квартиру известной актрисы, да еще и только что убитой.

— Это точно, — вступил в беседу Буркин.

— А я ее, мужики, недавно по «ящику» видел, — сообщил Шушарин, кивком указывая на Шиловскую. — Какой-то фильм был... Бодяга такая! Кажется, что-то про мафию. Она там любовницу главаря играла. Ее в конце фильма тоже убили. Мне еще жена говорит: смотри-ка — звезда, ни один фильм без нее уже не обходится. А я еще подумал: хороша же она из себя, картинка!..

— Ну и что, я тоже ее видел по телику, — громко, чтобы разогнать застоявшуюся тишину, сказал Харченко. — И в театре несколько раз...

— Не думал я, что увижу ее так близко, — кивнул Шушарин на распростёртое тело. — Жалко, да? Молодая...

— Ладно трепаться, поехали дальше, — оборвал его Буркин и забубнил снова: — Обнаружены: пустая упаковка пантропанола, стакан с бесцветной жидкостью, вероятно с водой, незапечатанное письмо, женский гробень, пульт от телевизора...

Вечерело. Низкое солнце заглядывало в окно, и круглая тень высоких тополей уже не защищала от его прямых розоватых лучей. Раскалённый красный шар цеплялся одним краем за почерневшие крыши домов, пронизывая лучами всю комнату насквозь.

— Ну что, есть пальчики? — негромко спросил Шушарин, присаживаясь на краешек кровати с резными спинками в причудливых деревянных завитушках.

— Есть, — пробормотал Харченко, собирая кусочки липкой ленты. — Есть и пальчики, и следочки, и микрочастицы... Да боюсь, что всё это только убитой и ее матери...

— Домработницы, — поправил Шушарин.

— Какая разница.

— Принципиальная. Если бы это была ее мать, то подозрение на нее отмелось бы почти автоматически, — бойко затараторил Шушарин, с удовольствием выкладывая все свои соображения. — Плюс сердечный приступ...

— Инсульт.

— Какая разница. А домработницу будут основательно проверять.

— Можно подумать, что редко матери убивают своих дочек, — скептически заметил майор Буркин. — Да сплошь и рядом... Выпьют поллитру на двоих и давай друг друга лупцевать.

— Не так уж редко, — согласился Шушарин. — Но не таких знаменитых. Не хочешь ли ты сказать, что хозяйка с домработницей сначала нализались, а потом начали выяснять отношения?

— Кто их знает. По крайней мере, на месте преступления нашли мёртвую хозяйку и полумёртвую домработницу... — Буркин заглянул в бумаги. — Тюрину. И только сам господь бог пока знает, кто кого довёл до состояния нестояния...

— Да, на ограбление не тянет, — встрял в разговор Харченко. — Кажется, все вещи целы.

— Согласитесь, что все-таки не похоже, чтобы здесь хозяйничали обыкновенные домушники, — не унимался младший лейтенант, — иначе всё было бы вверх дном. Удар нанесён... — Шушарин склонился над убитой. — Острым предметом, но не ножом. В висок. Что и послужило причиной смерти.

— Торопись, — саркастически усмехнулся Буркин. — Это вскрытие покажет, каким предметом... И что послужило причиной смерти... Рану до дна не разглядишь.

— Всё равно, сразу исключается самоубийство и...

— Ну и быстр ты, парень. — Харченко неодобрительно покачал головой. — Прямо Шерлок Холмс. — Он медленно прошёлся по комнате и, остановившись у картины в тяжёлой золочёной раме, сказал с восхищением, уважительно прищурился: — Эй, будет вам спорить. Смотрите, какие картинки странные развешаны... Как в галерее!

Майор Буркин не тронулся с места, а лейтенант подскочил и уставился на полотно изучающим взглядом.

— Ни черта не понятно, — через минуту внимательного рассматривания буркнул он, пожимая плечами. — Так посмотришь, вроде голая баба... Лежит... А вот так посмотришь, уже другая баба... Но уже вроде бы стоит...

— Ну так чего ж тебе еще надо? В том-то нынешнее искусство и состоит — пару-тройку дамочек изобразить в непонятном ракурсе и на стенку повесить. По мне, так лучше уж из «Пентхауса» вырезать.

Буркин, заинтересовавшись, подошёл к ним.

— При чём тут мужской эротический журнал? И где ты здесь голых женщин разглядел, не понимаю, — поразился он. — Я вижу дерево, сучья голые, листья, и еще черт-те чего на ветвях накручено, как будто змея обвилась. Похоже, сюжет на библейскую тему. Черт с ней, с этой картиной. Пора закругляться, — озабоченно подытожил он, взглянув на часы.

— Это Дали, — уверенно изрёк Харченко. — Подлинник небось. Они, артистки, такие, им только подлинники дарят. Это тебе не репродукции из «Пентхауса». Поймай, поймай... А что означает эта дырочка? Глаз змеи как будто. Надо же, как натурально сделано! Искусство!

Сосредоточенно нахмурившись, Буркин снял картину. За ней в стене оказалось аккуратное круглое отверстие.

— Ба-а, да здесь стреляли! — воскликнул Харченко.

Через несколько минут активных поисков удалось обнаружить еще одно пулевое отверстие — в самом углу,